

*Всем, кто отыщет себя
на страницах этой книги.*

Имей мужество быть самим собой.
Это процесс, начать который можно когда угодно.

Анабель Штель

Глава 1

«Ну и долго еще их терпеть?» — в очередной раз задалась я вопросом, когда Гвендолин Финн, лучшая подруга мамы, разглядывала меня. Оценивающим взглядом она скользнула по моим черным волосам и короткой челке, по платью Louis Vuitton, по стареньким туфлям Jimmy Choо из позапрошлой весенней коллекции. Гвендолин сморщила нос, однако на ее окаменевшем от ботокса лице это выглядело как тик.

Но я же с ранних лет живу в высшем свете и со временем научилась читать неподвижные выражения лиц его представителей.

— До меня дошли слухи, что вы, юная леди, не будете поступать в Йель, — заявила миссис Финн. Ее тон показался мне слишком любезным и в то же время формальным, будто она не знает меня с самого рождения. Гвендолин была свидетельницей еще того, как я пачкала пеленки и «поедала» песочные куличики.

— Это правда, — откликнулась я. Теперь понимаю, что чувствовал Сэм Винчестер из «Сверхъестественного», обреченный бесконечно наблюдать за смертями своего брата. А мое проклятье состояло в том, чтобы весь вечер вести один и тот же разговор. Беседы различались подбором слов, но заканчивались одинаково: непониманием и презрением.

— И вы в самом деле собираетесь учиться в местном колледже? Я с тоской посмотрела на выход и кивнула.

Миссис Финн ошеломленно уставилась на меня. В ее взгляде читался намек на отвращение: можно подумать, она боялась, что я подхватчу заразную болезнь в Мэйфилдском колледже.

Мне хотелось рассказать Гвендолин о безупречной репутации Мэйфилда, но она бы не поняла. Все, что не Йель, Браун, Дартмут, Гарвард или Принстон, считалось ниже достоинства людей из высшего общества. Только семестр учебы по обмену в Европе они находили еще более-менее приемлемым.

— Но вы все равно планируете изучать юриспруденцию, не так ли?

— Само собой, — ответила я с фальшивой улыбкой, стараясь не думать о том, как сильно буду ненавидеть годы учебы в колледже. Дело в том, что меня не интересовали ни политика, ни право, ни государственное устройство. В теории профессия юриста должна способствовать справедливости в мире (разумеется, замечательная идея), на практике же богатые люди становятся еще богаче, а бедные — еще беднее. По крайней мере, именно это я наблюдала в последние годы.

— Это, конечно, порадует ваших родителей, — заметила миссис Финн, но на самом деле имела в виду другое: во всяком случае, ты не идешь изучать искусство и не втаптываешь имя своей семьи в грязь.

— А ваш брат? Он же сейчас по Европе путешествует?

— Да, — ответила я, едва не зевнув от скуки. Зачем эта женщина достает меня вопросами, если ответы ей известны? Ну у нее хотя бы лживые сведения, которые старательно распространяли родители. В их глазах правда была слишком позорной, чтобы делиться ею с общественностью. Хотя стыдиться следовало им.

— Мой старший, Картер, провел несколько месяцев в Италии. Замечательный опыт! — Миссис Финн подняла руку и махнула официантке.

Тут же из другого угла комнаты подошла молодая женщина в белой рубашке и черных брюках с подтяжками в тон. Волосы у нее были стянуты в тугий пучок, а глаза — несмотря на улыбку — ничего не выражали. Она не больше меня хотела находиться здесь. Но не моргнув глазом официантка протянула миссис Финн поднос, а та поставила на него пустой фужер и взяла полный бокал шампанского.

— Остались еще канапе с омаром?

— Узнаю на кухне. — Официантка протянула поднос и мне. Покачав головой, я отказалась, хотя немного алкоголя точно сделало бы вечер терпимее. Но я же дочь двух юристов, неразумно грешить против алкогольной политики, тем более в присутствии клиентов, доверивших свои миллионы моим родителям.

— Михаэлла, вот ты где!

Услышав голос моей мамы, мы с миссис Финн тут же повернулись к ней: она направлялась к нам. На маме был темный костюм с плиссированной юбкой, а шпильки ее туфель стучали по полированному мраморному полу. В отличие от подруг, она еще не колола ботокс, но многослойный макияж скрывал морщинки и прятал веснушки. Веснушки, кстати, — это у нас семейное, и я унаследовала их от мамы.

— Битый час ищу тебя, чтобы кое-кого представить. Знакома уже с Маршаллом Миллингтоном? — Мама многозначительно указала на молодого человека, которого тянула за собой. На вид он казался моего возраста — восемнадцать или девятнадцать, зато серый костюм прямо как у моего отца.

— Очень приятно наконец познакомиться с вами, — произнес Маршалл, протягивая руку. Ну до чего приятная у него улыбка!

Я пожала ему руку.

— Маршалл Миллингтон. Славная аллитерация. Ты что, супергерой?

— О чем ты?

— Ну, знаешь, как Питер Паркер или Уэйд Уилсон.

— Кто все эти люди? — поинтересовался Маршалл и озадаченно посмотрел на маму в ожидании помощи. Она бросила на меня предостерегающий взгляд и едва заметно покачала головой. Неприлично молодой женщине рассуждать о комиксах и супергероях. Это удел детей, и притом лишь мальчишек, по крайней мере, в средневековом мире, в котором жили мои родители.

— Человек-паук? Дедпул? Или Халк? Ну который Брюс Беннер.

Замешательство в глазах Маршалла только усилилось. И как им только это удастся? Быть такими якобы искушенными в светских делах и в то же время оторванными от реальности?

А ведь заведи я разговор про Уолл-стрит, Маршалл наверняка выдаст целый монолог на тему акций, валютного курса и мирового рынка.

— Не волнуйся. — Мама пришла ему на помощь. — Мне тоже эти имена ни о чем не говорят. У Михаэлли специфические вкусы. Безумно очаровательные, я бы сказала.

Она погладила Маршалла по плечу, ее браслеты при этом звякнули.

— Миссис Финн? — вернулась официантка. Вместо шампанского она несла на подносе закуски. Миссис Финн, Маршалл и мама взяли по маленькой фарфоровой тарелочке и угостились лакомством.

— А ты не хочешь перекусить? — обратилась ко мне мама.

— Нет, спасибо, совсем не голодна, — соврала я. По правде говоря, я едва не падала в голодный обморок, но так не хотелось в очередной раз объяснять, что омары и икра не вписываются в мою вегетарианскую диету, поэтому я предпочла промолчать.

С наигранным интересом я слушала рассказ Маршалла о стажировке в газете и о том, как он смог взять интервью у Дональда Трампа. Разумеется, Маршалл тоже республиканец, а как иначе? До этого я еще терпела, но как только разговор зашел о нашем президенте, не смогла выдержать больше ни секунды. Под предлогом того, что мне нужно отойти, я поспешила удалиться, пока до меня не добрались клиенты и деловые партнеры родителей.

Я вышла из гостиной, даже не обратив внимания на высокие потолки, темную мебель и огромный эркер, выходящий в сад. Но вместо ванной я сбежала в кухню. Громкие голоса и смех стихли позади, и впервые за весь вечер я вздохнула с облегчением.

В кухне родители появлялись редко, и тем не менее размером она была с однокомнатную квартиру, да еще и оснащена профессиональной плитой, какой позавидовал бы любой первоклассный шеф-повар. Готовила же здесь только домработница Рита. Но закуски, которые сегодня на вечеринке разносили официанты, были сделаны не на этой кухне. Повсюду громоздились покрытые фольгой лотки и контейнеры для хранения.

Один только холодильник чего стоил — монстр из нержавеющей стали с двумя дверцами. В него вместились бы еды на семью из десяти человек. Я открыла этого монстра, но внутри зияла пустота, если не считать смузи и горстки закусок. Закрыв холодильник и сбросив свои Jimmy Choo, я забралась на сервировочный столик — в облегающем платье это оказалось той еще задачей. Родители не допускали дома промышленных сладостей, поэтому Рита всегда прятала для меня шоколадные батончики в дальнем углу шкафа. Но сегодня тайник оказался пуст.

— Изумительно, — в досаде пробормотала я и уже собиралась слезать со столика, как вдруг дверь позади меня отворилась. Вздвогнув, я вцепилась в кухонный шкаф, чтобы не упасть. *Вот черт.* Я медленно обернулась, решив, что это мама проследила за мной. После того инцидента два года назад она редко выпускает меня из поля зрения на подобных мероприятиях. Но в кухню зашла не мама, а официант.

Он застыл как громом пораженный и уставился на меня широко распахнутыми глазами. Из-за попытки слезть со столика платье у меня вздернулось вверх, и парень теперь мог беспрепятственно смотреть на мое красное кружевное белье. Он бесцеремонно разглядывал меня.

— Видом любишься? — сказала я с вызовом.

Он соизволил поднять взгляд от моей задницы к лицу и равнодушно пожал плечами.

— Честно говоря, черное мне бы больше понравилось, но и красное ничего.

Бестактный ответ совершенно сбил меня с толку. Большинство людей, которые работали на родителей, обращались со мной как с фарфоровой куклой. То ли принимали за наивную дурочку, то ли боялись, что эта избалованная дерзкая девчонка может вышвырнуть вон. Вот и говорили в моем присутствии только то, что, по их мнению, я хотела услышать.

Спрыгнув со столика и натянув платье на бедра, я внимательно осмотрела парня. Уверена, он еще не пытался сегодня всучить мне шампанское. Я бы запомнила эти угловатые черты лица и полные губы, изогнутые теперь в кривую улыбку. Нос у него острый и, пожалуй, великоват, но любой согласится, что

этот официант, бесспорно, самый привлекательный мужчина на вечере. Его каштановые, оттенка темной карамели, волосы чуть-точку длинноваты, как будто давно не стрижены, беспорядочно зачесаны назад — маме такое бы не понравилось.

— Черный — это очень скучно, — наконец возразила я.

— Черный — это очень элегантно.

— А у тебя белье черное? — Я наклонила голову, пытаюсь издали разглядеть цвет его глаз, но из-за искусственного света верхних ламп это сделать не получилось. Уверена только в том, что они голубые либо зеленые, но точно не карие, как мои.

В глазах официанта заиграли озорные огоньки, а на его чисто выбритых щеках образовались ямочки. Совершенно спокойно он поставил поднос на стол, как будто полуголые женщины, лазающие по кухне, для него привычное дело.

— А кто сказал, что на мне вообще есть белье?

— Ты же в курсе, что ты здесь еду разносишь?

— Но я делаю это руками, а не... — он осекся и сомкнул губы, удерживая слово, которое, похоже, вертелось на языке, а затем вздохнул, указывая на открытый шкаф. — Что ты тут делаешь? Ищешь что-то?

— Еду.

— Этого добра тут хватает.

Я фыркнула.

— Это я вижу, но найдется ли хоть что-нибудь без икры, омаров или других мертвых животных?

— Боюсь, нет.

— Черт! — Со стоном я прислонилась к столику и обхватила себя руками, но это не помогло сдержать нетерпеливое урчание в животе. Ну почему я не догадалась по дороге на вечеринку захватить в магазин органической еды?

— Возможно, я смогу тебе помочь. — Официант подошел ближе, и я увидела, что глаза у него зеленые. Но не светлые, как молодая зелень, а темные, цвета осенних листьев, перед тем как они становятся коричневыми и опадают. Не останавливаясь, официант прошел мимо меня в кладовку, где обычно хранились только консервы и сухие продукты. Но сегодня там лежали сумки и куртки. Официант опустил на колени и принялся копать-

ся в сваленных в кучу вещах. Я не видела, что именно он там выискивал, но скоро он встал и подошел ко мне с сэндвичем в руке. Не произнеся ни слова, протянул его мне.

Колебаться я не стала.

— Спасибо, я у тебя в долгу.

— С радостью приму чаевые.

— Обязательно. — Я развернула фольгу на сэндвиче и, удивившись, что мяса в нем нет, жадно откусила кусок — и застонала. На вкус он оказался великолепен, и не только потому, что я ужасно проголодалась. Пышный, свежееиспеченный хлеб, да не просто с сыром и майонезом — но с салатом, огурцами и помидорами, сдобренный капелькой горчицы и чего-то сладкого, что я не смогла определить.

Официант наблюдал за мной. Медленно и придиричиво его взгляд блуждал по моему телу, словно ему была доступна не только внешняя привлекательность, но и моя личность. В этот вечер на меня часто смотрели мужчины, но их любопытство оставляло меня равнодушной. Теперь же сердце забилося быстрее.

— Как тебя зовут? — спросила я с набитым ртом. — Про себя я называю тебя «официант».

— Меня еще и не так называли. — Эти слова легко сорвались с его губ, но, едва он произнес их, в глазах вспыхнуло что-то темное, не соответствовавшее тону.

В раздражении я ждала, когда же официант назовет свое имя, но он молчал.

— Отвечай же, — настойчиво потребовала я.

Не представляю, зачем мне так понадобилось его имя, ведь вряд ли мы еще когда-то увидимся. В этих предприятиях по выездному обслуживанию текучка кадров. Студенты приходили и уходили, как позволяла учеба. Но я сомневаюсь, что мой собеседник был одним из них. Казалось, он немного старше, около двадцати пяти, но, может, он изучал что-то особенно сложное, например медицину, или получал докторскую степень в какой-то другой области.

— Джулиан, — наконец ответил официант, и ничего больше: Джулиан. Ни титула, ни фамилии, чтобы выделиться и показать, сколько денег у его семьи.

Я улыбнулась и уселась на стол. Мои ноги болтались в воздухе.

— А я Мика.

— Я знаю. Михаэлла Розали Оуэнс.

— Звучит жутковато. Откуда такая осведомленность? Преследуешь меня?

— И в мыслях не было. Всего лишь официант с хорошим слухом. Люди сплетничают о тебе.

— И что говорят?

— То и это. В основном судачат, почему ты не поступаешь в Йель. Все думают, ты беременна, как случилось с малышкой Лилли Салливан. Полагают, что отец — сын домработницы, с которым у тебя случился роман некоторое время назад.

Джулиан покачал головой — можно подумать, я его разочаровала.

Закатив глаза, я вцепилась зубами в сэндвич в тщетной попытке проглотить чувства вместе с куском хлеба. Стоило лишь отказаться от колледжа Лиги плюща, и все вокруг начали вести себя так, будто мир рухнул. Но не могу же я с чистой совестью уехать в Йель, не узнав, что происходит с братом? Моя беременность — правда не больше, чем пребывание Эдриана в Европе. Застав своего сына в постели с парнем, родители выгнали его из дома. Гомосексуальность не вписывалась в чопорную идеологию родителей и их партнеров. Конечно, ни один клиент не осмелится открыто выступить против сексуальной ориентации Эдриана: никто ведь не хочет прослыть невежественным. Но со временем многие, скорее всего, нашли бы оправдания, чтобы отказаться от услуг юридической фирмы моих родителей. Из страха запятнать свои фамилии какими-либо слухами.

Эдриана я с тех пор не видела. Как-то раз он тайком пробрался в дом, чтобы забрать вещи и оставить ключи. Всю неделю после «инцидента» я и словом не обмолвилась с родителями, зато бросила все силы на поиски своего близнеца. Безуспешно. Эдриан как сквозь землю провалился. Я не нашла брата ни у друзей, ни в его любимом кафе. Даже в Музее современной архитектуры, который Эдриан называл своим островком безопасности. Где бы ни скрывался мой брат, он не хотел, чтобы его кто-то нашел.

В том числе и я. Но родители заморозили все его счета, и уйти далеко он не мог. Эдриан наверняка остался в городе, и это причина, почему я не хочу уезжать из Мэйфилда в Йель. Эдриан не стал поступать в университет, хотя он мечтал учиться в элитном колледже, в отличие от меня. Не собираюсь следовать за мечтой брата без него и тем более бросать его в беде. Хочу быть рядом, если он решит вернуться, а не за тысячи километров. Эдриану нужна моя поддержка, раз от родителей он ее не дожидается.

Я никогда не пойму, почему родители прогнали Эдриана, и в глубине души, наверное, никогда им этого не прощу, но в целом мама и папа неплохие люди. Они дали нам все необходимое: одежду, еду, крышу над головой и любовь. Родители много работали и все же проводили с нами хотя бы один вечер в неделю. До недавних событий. Я не оставляла надежду, что однажды все вернется на круги своя и родители примут Эдриана таким, какой он есть. Потому что я стану всем, чего они всегда хотели: студенткой юридического факультета, адвокатом, деловым партнером и наследницей.

— Не нравится сэндвич?

Голос Джулиана вырвал меня из раздумий.

— Напротив, он очень вкусный. С чего ты взял?

— Потому что лицо ты скорчила такое, будто тебя заставили есть грязь.

— Ой, прости, это не из-за сэндвича. — Я улыбнулась, но улыбка вышла натянутая и судорожная. Это все из-за мыслей об Эдриане и моем будущем. Неплохо бы отвлечься: возвращаться в гостиную в таком состоянии ну никак нельзя.

— Где спрятано шампанское?

Джулиан откинул крышку пенопластового ящика. Изнутри сразу поднялись клубы тумана от холодильных элементов. Он достал бутылку и проворно открыл ее с громким хлопком.

Как-то само собой получилось, что я стала разглядывать его руки и изгибы мышц под белой рубашкой. На фитнесе Джулиан, похоже, не помешан, но он следит за собой. Тело у него стройное, но жилистое.

Джулиан заметил мой взгляд, но никак не отреагировал и даже не принял к сведению, а лишь отвернулся с самодоволь-

ной ухмылкой и взял бокал. Затем наполнил его до краев шампанским и протянул мне.

— Спасибо.

— Всего лишь выполняю свою работу.

Однако же в его обязанности не входило кормить меня сэндвичем, который он принес для себя, или составлять мне компанию, пока я пряталась от гостей. Но я это оценила.

— Возьми и себе бокал. Поднимем тост.

— Мне нельзя.

Я нахмурилась. Неужели я все-таки ошиблась насчет его возраста?

— Давай. Всего бокальчик. — Я вытянула ногу и требовательно ткнула Джулиана кончиком пальца, окрашенного красным лаком. — Вообще-то мне тоже пока нельзя.

— Речь не о возрасте, а о том, что сейчас я работаю.

— На *моих* родителей.

— Все равно нельзя.

— Ну пожалуйста. — Я выпятила вперед нижнюю губу. — Никакого удовольствия пить в одиночку.

Джулиан колебался и задумчиво смотрел на меня, размышляя, стоит ли моя просьба нарушения правил.

И в ту же секунду я пожалела о своих словах. Джулиан не обязан из-за меня рисковать работой. Просить об этом было высокомерно и бессовестно, так поступила бы моя мать, но не я. Я хотела сказать Джулиану забыть об этом, но не успела: он вздохнул, взял бокал и налил в него шампанское до половины.

— Хватит и столько, — произнес Джулиан, — за что пьем?

— За то, чтобы этот вечер поскорее закончился, — заявила я, горячо надеясь, что мама не нагрянет на кухню. — Чин-чин!

— Чин-чин! — подхватил Джулиан и протянул ко мне руку с бокалом, при этом рукав его рубашки немного опустился.

Мне показалось, что я увидела шрам на оголившемся предплечье, но ткань быстро скользнула назад, и я засомневалась. Может, почудилось? Не желая показаться еще более бесчувственной, я решила попридержать язык и принялась за напиток. Шампанское покалывало в горле, словно бенгальский огонек,

как вдруг раздался громкий звук. Инстинктивно я напряглась, но это оказался всего лишь мобильник Джулиана.

Он отставил бокал, достал смартфон из кармана брюк и, уставившись на экран, нахмурился. И только потом ответил на звонок.

— Привет, что нового? — Джулиан повернулся ко мне спиной и отошел немного в сторону, пока звонивший отвечал ему.

Я деловито жевала сэндвич, чтобы не подслушивать разговор.

— Ну так возьми и выкинь в туалет.

Я нахмурилась. С кем, черт возьми, он общался?

— Сейчас я ничего не могу сделать.

— ...

Джулиан вздохнул.

— Кэсси все уберет.

— ...

— Тогда жди, когда я вернусь, — Джулиан принялся складывать грязные бокалы в пенопластовый ящик, который кто-то из официантов неосмотрительно оставил на стойке. — Часа через два-три.

— ...

Джулиан аж зарычал от раздражения, ударил в стену кулаком, а человек на другом конце линии, очевидно, продолжал что-то говорить. Наконец он опустил руку.

— Спасибо, до скорого.

Джулиан завершил звонок и засунул телефон обратно в карман брюк, так что на черной ткани образовалась выпуклость. Он медленно повернулся ко мне, наткнулся на вопросительный взгляд, но ничего не сказал.

Понятно: объяснять что-то Джулиан не собирается, значит, придется самой расспрашивать.

— Кто звонил?

— Сосед по квартире.

— Тебе обязательно идти? — спросила я и сама удивилась тому, как сильно хотелось, чтобы ответ был «нет».

Джулиан покачал головой, и прядь каштановых волос упала ему на лицо.

— Мой кот нагадил под диваном. Сосед не хочет ничего убирать, но и оставлять не желает. Он у меня всего неделю.

— Кот или сосед?

Джулиан усмехнулся.

— Кот.

— Как его зовут?

— Лоуренс.

Я откусила еще кусочек сэндвича и протянула оставшуюся половину Джулиану. Не хотелось бы, чтобы из-за меня он работал голодным весь оставшийся вечер.

— Я всегда хотела завести кошку, но родители не разрешали.

— Почему нет?

— Они боятся, что все их дорогие костюмы покроются шерстью.

— Так ведь существуют специальные липкие ролики.

Я пожалала плечами, и пока Джулиан доедал сэндвич, я рассказала ему об аквариуме, который родители подарили мне на день рождения в семь лет. Но слишком быстро Джулиан доел хлеб, а наши бокалы с шампанским опустели. И теперь причина не уходить с кухни осталась только одна: я просто этого не хотела. Но мама наверняка скоро заметит мое отсутствие.

Я спрыгнула со стола и надела туфли.

— Думаю, мне пора возвращаться, — горько вздохнула я, но не двинулась с места.

— Зачем идти на вечеринку, с которой тебе хочется сбежать? — спросил Джулиан, отмывая бокалы. И делал это как нечто само собой разумеющееся, как будто он всю жизнь только мытьем посуды и занимается.

— Потому что у меня нет выбора.

Джулиан озадаченно сдвинул брови.

— Хочу съехать и как раз ищу квартиру. Но в одиночку я не могу себе этого позволить, поэтому договорилась с родителями. Они оплатят квартиру и учебу в университете, в обмен на это я буду ужинать с ними раз в неделю и периодически мелькать на важных светских мероприятиях.

— Звучит как честная сделка.

— Знаю. — Более чем справедливо. Несколько часов моего времени в обмен на тысячи долларов. И все равно я ненавидела каждую секунду этих встреч.

— Ну а ты здесь зачем? — поинтересовалась я. Не похоже, чтобы энтузиазма у Джулиана было больше, чем у меня: он не сделал ни шага в сторону гостиной.

— А разве и так непонятно? Зарабатывать деньги. Лоуренс, конечно, еще маленький, но на него уходит целое состояние.

— И сколько тебе платят?

— Семьдесят пять долларов.

— В час?

Он засмеялся.

— За целый вечер.

— Но это же очень мало.

— Больше, чем в других местах.

— Не знала. — Да и откуда мне знать? Я же ни секунды в жизни не работала. Но при этом догадывалась, что семьдесят пять долларов — чертовски мало за то, что приходится целый вечер терпеть таких людей, как Гвендолин Финн. Я поманила Джулиана за собой.

— Пойдем.

— Куда?

— Увидишь.

Джулиан помедлил, но колебался недолго. Уже через секунду мы покинули кухню, по коридору прошли мимо гостиной к гардеробной. Маленькая комнатка пахла дорогой кожей новых сумок и духами, шлейфы которых остались на пальто гостей. Я отыскала свою фиолетовую парку — подарок от мамы на день рождения, который был три месяца назад. На соседнем крючке висела маленькая сумочка, трещавшая по швам из-за блокнота, который я запихнула в нее.

— Подержи-ка. — Я протянула Джулиану блокнот.

Он взял его, и я захлопнула дверь гардеробной.

Тусклый свет и тесная, по сравнению с кухней, гардеробная. Примостившись между пальто и куртками, мы с Джулианом стояли вплотную друг к другу. Я почувствовала, какой приятный запах еловой хвои и земли исходил от него. А ведь Джулиан весь вечер таскал подносы с едой.

— Что это? — спросил он.

Подняв голову, я с удивлением обнаружила, что глаза у нас на одной высоте. Со своим «метр шестьдесят» я привыкла на всех смотреть снизу вверх, даже если надевала каблуки, но с Джулианом вышло иначе.

Он пролистал блокнот и рассмотрел мои наброски.

— Просто работаю кое над чем.

— Выглядит неплохо. — Он открыл страницу с первым черновиком «Леди из ночных кошмаров». — Это что, комикс?

— Все может быть, — отрезала я и, чтобы избежать необходимости отвечать на вопрос, сделала вид, что ужасно занята извлечением кошелька из сумочки. Люблю я комиксы, графические романы и мангу. Это искусство для меня как дом родной, но объяснить свое увлечение окружающим, заставить их его понять — та еще задачка. Моя страсть вызывала у большинства людей лишь усталую улыбку, особенно в тех кругах, где вращалась моя семья.

Открыв кошелек, я вытащила несколько купюр и протянула Джулиану.

— Держи.

Он оторвался от блокнота и уставился на деньги. Глаза у парня едва не полезли на лоб.

— Это слишком много.

— Вовсе нет. — Я протягивала двести тридцать долларов. Моя сумочка стоила больше. — Бери же.

— Так не пойдет, — покачал он головой.

— Почему?

Он хотел было ответить, но я опередила.

— Даже не вздумай отказываться.

— Я... — начал Джулиан, но дверь в гардеробную распахнулась, и он не успел договорить. Он застыл, а я непроизвольно сунула купюры обратно в сумочку.

— Михаэлла! — Никто, кроме моей матери, не мог выразить столько возмущения, гнева и разочарования в одном-единственном слове. — Что, серьезно? Опять?

Она смотрела то на меня, то на Джулиана, и презрение в ее взгляде усилилось, когда она осознала, что стояли мы с ним